

Т. А. Смирнова

**Особенности изучения исторической памяти и практик коммеморации
Первой мировой войны в Великобритании 1918–1939 гг.**

Статья посвящена исследованию основных форм коммеморации Первой мировой войны в Великобритании межвоенного периода. Изучаемые коммеморативные практики и мнемонические места разделены на три группы, в зависимости от уровня памяти, на места памяти национального значения, коммеморативные практики социальных групп (например, ветеранских организаций) и индивидуальные воспоминания о войне. Методологической базой исследования стала концепция «мест памяти» Пьера Нора, предполагающая изучение предметов и объектов, способных управлять присутствием прошлого в настоящем с целью сохранения памяти. В качестве объектов исследования выделяются не только классические монументы – военные мемориалы, кладбища, но также традиции и ритуалы поминовения, музеи, мемуарная литература, письма и дневники участников войны. Анализируется процесс конструирования коллективной памяти о войне, а также видоизменение риторики коммеморации в конце 1920-х гг. В первое десятилетие после заключения мира для коммеморации характерен акцент на идеях жертвенности солдат, их мужества и героизма в годы войны. Однако с конца 1920-х гг. наблюдается постепенный переход риторики коммеморации к призывам избежать любой войны в будущем.

Ключевые слова: Первая мировая война, межвоенный период, коллективная память, места памяти, коммеморация, коммеморативные практики.

Т. А. Smirnova

**Researching Features of Historical Memory and Practices of Commemoration
of the First World War in Britain in 1918–1939**

The article is devoted to the research of different forms of the First World War commemoration in Britain during the interwar period. Being divided into three groups according to the level of memory, the commemorative practices and mnemonic sites are analyzed as national sites of memory, commemorative practices of social groups (such as veterans' organizations) and individual acts of remembrance. The concept of "sites of memory" by Pierre Nora is a methodological base of the article, which supposes the study of objects and subjects, that can manage attendance of the past in the present to preserve memory. The subjects of the research are not only classical monuments, such as war memorials and cemeteries, but also traditions and rituals of commemoration, museums, memoirs, letters and diaries of soldiers. The process of construction of collective memory about the war and transformation the commemorative rhetoric from militaristic to peace-minded forms in the late 1920-s are analyzed. In the first decade after the conclusion of peace the commemoration characteristic emphasizes on the ideas of sacrifice of soldiers, their courage and heroism in the war. However, since the late 1920s a gradual transition to the commemoration of rhetoric is seen and the appeals to avoid any war in the future.

Keywords: the First World War, interwar period, collective memory, sites of memory, commemoration, commemorative practices.

Межвоенный период XX в. явился важной вехой в общемировом процессе конструирования исторической памяти о войнах, во многом предопределив способы и формы коммеморации всех последующих конфликтов. Данное утверждение особенно актуально по отношению к Великобритании, где Первая мировая война оказала серьезное влияние на мировоззрение людей.

После заключения Компьенского перемирия триумф победы продлился недолго: потеряв на полях боя в годы войны более 700 тысяч солдат [11, с. 71], после ее завершения вся нация переживала боль утраты и находилась в состоянии глубокого духовного кризиса. В это время было необходимо найти смысл и оправдание всем жертвам не только на национальном уровне, но и на уровне индивидуальном – для самих ветеранов, семей погибших и раненых. Ключевую роль в этом процессе играли различные способы поминовения погибших и сохранения памяти о событиях 1914–1918 гг. Уже в первые годы после окончания войны был создан целый спектр форм коммеморации, характеризующийся исторической и социологической сложностью и требующий комплексного исследования.

Являясь исключительно важным процессом, проливающим свет на процесс конструирования репрезентации прошлого, а также части британской идентичности, тема коммеморации Первой мировой войны занимает особое место в работах зарубежных исследователей memory studies. А в преддверии предстоящей памятной даты – 100-летия Первой мировой войны, когда всеобщий интерес обращен к событиям 1914–1918 гг. все актуальнее становится необходимость более глубокого изучения процесса увековечивания памяти и наследия этой войны. При этом особый интерес представляют 1918–1939 гг., как время первоначального осмысления британцами военного наследия и появления основных коллективных представлений о прошлом.

Данная статья посвящена исследованию, анализу и условному структурированию основных способов и форм военной коммеморации Первой мировой войны в Великобритании в 1918–1939 гг., а также анализу историографических подходов к их изучению.

В качестве методологической основы исследования выделяется концепция «мест памяти» (lieux de mémoire), разработанная историком П. Нора, где под

мнемоническими местами подразумеваются те предметы и объекты, которые обладают способностью управлять присутствием прошлого в настоящем с целью сохранения памяти. Они не являются местами в узком, географическом смысле; ими могут стать люди, события, предметы, здания, традиции, легенды, географические точки, которые окружены особой символической аурой.

Под исторической памятью подразумевается взаимодействие настоящего и прошлого в социокультурных контекстах. Такое понимание термина предполагает включение более широкого спектра объектов исследования – от индивидуальных актов воспоминания, до групповой памяти (семьи, друзей, ветеранов) и до национальной памяти [5, с. 2].

Таким образом, все военные коммеморативные практики Первой мировой войны, характерные для 1918–1939 гг., можно условно подразделить на три группы в зависимости от уровня памяти.

Первая группа представляет собой коммеморативные практики, создание которых происходило по инициативе правительства и которые заключают в себе коллективную память о войне на национальном уровне. В первую очередь сюда относятся монументальные места памяти, ставшие главными национальными символами памяти о Первой мировой войне, такие как Памятник павшим воинам на Уайтхолле в Лондоне – Кенотаф и Могила неизвестного солдата в Вестминстерском аббатстве. Кроме того, фиксация коллективного военного опыта на национальном уровне и преодоление травмы войны в межвоенный период происходили с помощью изобретенных традиций и ритуалов – утверждение Дня памяти 11 ноября и Поминального воскресенья, ритуал двухминутной тишины, церемония возложения цветов у Кенотафа, культ красного мака и прочее. Отдельное внимание историками уделяется музеям национального значения – Имперскому военному музею и Национальному музею армии как мнемоническим местам, выполнявшим важную функцию увековечивания событий 1914–1918 гг. в истории и памяти последующих поколений.

Вторая группа представлена более локальными формами военной коммеморации, созданными по инициативе членов семьи, друзей и самих ветеранов, представляющая собой групповую коллективную память о войне. Классическими местами памяти здесь являются воинские кладбища и частные мемориалы (часовни, стелы, обелиски, стены памяти), зачастую возводившиеся вместе со списками и фотографиями погибших, созданные на средства родственников ветеранов и ветеранских организаций с целью индивидуализировать и персонифицировать память о каждом участнике войны. Сюда же относятся традиции военной коммеморации ветеранских организаций, а также семейные традиции сохранения памяти о войне: хранение солдатских писем с фронта, фотографий, военных сувениров, медалей и паломничество на места сражений.

Особое положение в исследованиях процесса конструирования исторической памяти о Первой мировой войне занимают источники личного происхождения, способные актуализировать репрезентации войны на

конкретных примерах. Анализ дневниковых записей ветеранов и современников войны, их мемуаров и писем с фронта, опубликованных или сохраненных внутри семьи, помогает пролить свет на способы конструирования памяти «снизу вверх» в 1920–1930-е гг., а также на роль индивидуальной памяти в общем процессе мемориализации Первой мировой войны. Наряду с широкоизвестными мемуарами Р. Грейвса, З. Сассуна, Э. Бландена, а также антологиями военных поэтов Р. Брука, У. Оуэна, И. Розенберга, О. Симена, выпущенными большими тиражами и ставшими классическими литературными произведениями, историки все чаще обращаются к изучению писем, дневников и мемуаров простых солдат, описывающих свою историю Первой мировой войны.

Полное познание прошлого может быть возможным только при комплексном исследовании историками различных мнемонических мест, опирающемся в своей основе на социокультурный подход.

В настоящее время выделяется четыре влиятельных школы исследователей исторической памяти и военной коммеморации Первой мировой войны, каждая из которых акцентирует свое внимание на определенном аспекте.

К первой историографической школе относятся такие исследователи, как С. Хайнс и Дж. Мосс, интерпретирующие военную коммеморацию Первой мировой войны с точки зрения функционалистского подхода, как политическое действие, тесно связанное с процессом конструирования национальной идентичности и распространением в обществе официальной репрезентации войны [2, с. 9]. Акцент в их исследованиях был сделан на попытках государства в послевоенные годы придать значение и смысл всем ужасам войны с помощью представления гибели фронтовиков священной жертвой во имя спасения нации. Дж. Мосс утверждает, что подобный миф возвышения погибших как героев, а также подчеркивание значимости их борьбы и жертвы достигался именно через воспоминание и коммеморативные практики на национальном уровне [6, с. 6].

Ярким примером представляется интерпретация Могилы неизвестного солдата в Вестминстерском аббатстве, одного из главных национальных мемориалов Первой мировой войны. Мемориал стал идеальным символом национального единения, поскольку в поминовении безымянного солдата стирались социальные, языковые и этнические различия. Историко-функционалисты критиковали подобные мемориалы как «конструкции официальной манипуляции», передающие иллюзорный образ войны, с целью укоренения официальной репрезентации и отвлечения внимания от критики британского социального и политического устройства послевоенных лет [4, с. 6–7].

Вторая школа, объединившая таких историков, как Дж. Винтер, А. Грегори, в качестве главной цели военной коммеморации Первой мировой войны видит попытку примирения нации со своим наследием, военными потерями через выражение горя и скорби. В противовес функционалистам, Дж. Винтер утверждает, что в исторической литературе слишком много внимания сосредоточено на исследовании национальной истори-

ческой памяти, в то время как гораздо более значимое является множество локальных актов коммеморации, инициируемых внутри определенных социальных групп (ветеранов и их родственников) и происходящих стихийно. Тем самым процесс конструирования исторической памяти идет именно снизу вверх, а не наоборот. Например, историки данной школы развивают мнение, что изначально военные мемориалы создавались спонтанно как место траура и облегчения горя скорбящих, но со временем это понятие потерялось и было заслонено политическим символизмом. Тем самым ритуалы, традиции и объекты, создающиеся на основе военной коммеморации, создаются с целью разрешения эмоциональных травм, причиненных войной, и не обязательно рассматриваются как отражение политической власти или некоего консенсуса с ней (хотя иногда это именно так), но также и как выражение силы и единения общества.

Поэтому внимание историков данной школы обращено к актам коммеморации, инициируемым семьями и группами ветеранов, рассматривающихся в качестве «мелкомасштабных агентов памяти», то есть обычных людей, которые собираются вместе, чтобы осознать произошедшее с их близкими и социальным окружением за годы войны [10, с. 136]. При этом отмечается индивидуализм и наличие личного смысла для каждого скорбящего: возложение цветов к мемориалу равнозначно возложению на индивидуальную могилу [3, с. 44].

Обе вышеописанные историографические школы, имея во многом противоположные взгляды, не являются взаимоисключаемыми. Исследователи С. Гоебэл, Т. Эшплант, Г. Доусэн и М. Ропер попытались консолидировать основные положения и суть обоих подходов, уделяя внимание связи политической природы коммеморации с ее практическими выражениями во всех формах: как патриотических ритуалов на национальном уровне, так и частного поминовения погибших. Они утверждают, что военная коммеморация создается из многообразия взаимодействий индивидуальных личностей с обществом и государством. При этом некоторые коммеморативные нарративы приобретают доминирующую роль в процессе воспоминания, другие остаются в тени. Огромное количество военных мемориалов, возведенных повсеместно в Великобритания после окончания Первой мировой войны, является прекрасным примером работы данного механизма.

Монументы и памятники, на которых были высечены имена погибших, являлись общественным свидетельством страдания и горя их семей, представляя собой пространство, где пострадавшие могли делиться своим горем с другими семьями и локальным обществом в целом. Устанавливая подобные мемориалы, общество, в свою очередь, демонстрировало свою благодарность погибшим и их семьям, тем самым тесно связывая индивидуальные трагедии с государством.

Таким образом, местные военные мемориалы представляли собой не только способ успокоения скорбящих, но и трансформации чувства горя в гордость за вклад их близких в годы войны.

В качестве отдельного подхода к изучению военной коммеморации Первой мировой войны в последние

годы выделяются исследования гендерной истории М. Хайгонет, Дж. Дженсон, С. Митчел и М. Уэйтц. Основным вопросом, рассматриваемым историками данной школы, стали роль и отношение женщин к процессу военной коммеморации в послевоенные годы.

Многообразие форм коммеморации Первой мировой войны и подходов к ее изучению делают данную тему многогранной и открытой для исследования различных дисциплин. При этом важным аспектом проблемы является одно из свойств исторической памяти – изменчивость, предполагающее изучение не только самих репрезентаций войны, но также и их видоизменение в течение межвоенного периода.

Большинство исследователей выделяют два этапа в развитии британской коммеморации Первой мировой войны в межвоенный период, совпавшие с хронологическими десятилетиями: 1920-е и 1930-е гг. [7, с. 18, 2, с. 5–11]. В это время утвердились основные формы и ритуалы поминовения погибших, а также была выработана определенная риторика коммеморации.

В первые послевоенные годы наиболее актуальной была проблема примирения нации со своим наследием. Травма войны еще была сильна, поэтому государство инициировало создание коммеморативных традиций и ритуалов, способных сплотить нацию и помочь пережить нелегкое время. Новая риторика, охватывающая все формы коммеморации, акцентировала внимание на пропагандируемых государством идеях жертвенности солдат, их мужества и героизма во имя спасения страны.

Имперская комиссия по военным захоронениям, созданная в 1918 г. и занимающаяся проблемой мемориального строительства, основной целью своей работы ставила создание символов «самой войны, перенесенной в поствоенную реальность» [9, с. 100]. Действительно, композиции военных мемориалов, созданных в первое десятилетие после заключения Компьенского перемирия, намеренно опускают символы жестокости и насилия (за исключением монумента в г. Макклесфил в память погибшим горожанам), изображая солдат или аллегорические образы, представляли прошедшую войну святой, а всех погибших мучениками.

Данная риторика нашла отклик и в литературе, а именно в сотнях книг, заключающих в себе военный опыт индивидуальных личностей: дневниковых записях ветеранов, сборниках писем с фронта и мемуаров. Первые годы после окончания войны были справедливо названы исследователями «эрой популярного военного патриотического рассказа», поскольку практически ни один автор не обходил стороной тему необходимости и оправданности всех жертв и лишений войны для спасения нации [7, с. 19].

С конца 1920-х – начала 1930-х гг. наблюдается постепенная трансформация и переход риторики коммеморации к призывам избежать любого проявления войны в будущем. Наиболее ярким примером этого перехода является появление нового символа – белого мака, а также публикация целой серии горьких и критичных романов о войне, написанных ветеранами.

С 1928 г. публикуются мемуары Эдмунда Бландена «Оттенки войны», Зигфрида Сассуна «Воспоминания Георга Шерстона» и Роберта Грейвса «Прощай все

это». Авторы провозглашали в своих мемуарах «другое видение образа войны и ее воздействия на тех, кто воевал» [8, с. 187]. Все мемуары имели статус антивоенных или пацифистских и были наполнены презрением по отношению к войне. Книги были встречены с большим интересом со стороны общества, но также и вызвали полемику.

Изменение риторики коммеморации наблюдалось и в попытках создания новых традиций. Первая мировая война изменила взгляды на пацифистское движение в Англии [1, с. 123]. В Великобритании в 1926 г. Кооперативная женская гильдия выступила с инициативой создания культа белых маков. Данной традицией Гильдия надеялась создать пацифистскую альтернативу ежегодной акции красных маков, проводимой Королевским британским легионом, самой крупной в стране организации ветеранов. Гильдией было озвучено предложение расположить надпись «Нет войне» на бутоньерках-маках вместо надписи «Фонд Хэйга». Предложение было отклонено, поэтому Гильдия разработала свои бутоньерки – белые маки, которые впервые появились на годовщине Дня Компьенского перемирия в 1933 г. Данная кампания быстро получила поддержку общества и других пацифистских организаций: уже с 1934 г. традицию белых маков начал продвигать Союз обета мира. Первая мировая война не только изменила отношение к подобному рода конфликтам в международных отношениях, но и поставила проблемы безопасности в повестку дня многих новых организаций в Англии [2, с. 84–85].

Таким образом, изучение процесса конструирования исторической памяти о Первой мировой войне в Великобритании межвоенного периода обладает рядом особенностей, которые необходимо учитывать историкам. Каждая форма коммеморации представляет собой важный источник, позволяющий пролить свет на процесс образования той или иной репрезентации войны. Однако для полного познания прошлого, а именно изучения основополагающих форм коммеморации Первой мировой войны, необходимо комплексное исследование всех основных форм коммеморации с учетом особенностей феномена исторической памяти: соотношение народной и официальной памяти, проявляющееся практически в каждой коммеморативной практике, избирательность исторической памяти и ее изменчивость. При учете вышеизложенных особенностей и подходов исследование может воссоздать наиболее объективный образ Первой мировой войны в историческом сознании британцев в 1918–1939 гг.

Библиографический список

1. Ходнев, А. С. Великая война 1914–1918 гг. и социокультурный хронотоп появления Лиги Наций [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – № 2. – Том I (Гуманитарные науки). – С. 119–123.
2. Ходнев, А. С. Проблемы создания Лиги Наций: взгляд из Лондона [Текст] // Ярославский педагогический вестник. Гуманитарные науки. – 2012. – № 4. – С. 84–87.
3. Alstein, M. V. The Great War Remembered: Commemoration and Peace in Flanders Fields [Text] / M. V. Alstein. – Brussels: Flemish Peace Institute. – 2011. – 88 p.

4. Connelly, M. The Great War, Memory and Ritual: commemoration in the city and East London, 1916–1939 [Text] / M. Connelly. – NY: Royal Historical Society/Boydell Press, 2002. – 259 p.

5. Coss, D. First World War Memorials, Commemoration and Community in North East England, 1918–1939 [Text] / D. Coss. – Durham University. – 2012. – 835 p.

6. Erll, A. Cultural Memory Studies [Text] // Cultural Memory Studies: an International and Interdisciplinary handbook / edited by A. Erll, A. Nünning. – Berlin: Walter de Gruyter, 2008. – p. 1–19.

7. Mosse, G. Fallen Soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars [Text] / G. Mosse. – Oxford: University Press. – 1991. – 272 p.

8. Todman, D. The Great War: Myth and Memory [Text] / D. Todman. – London: Hambledon, 2005. – 299 p.

9. Watson, J. S. K. Fighting Different Wars: Experience, Memory and the First World War in Britain [Text] / J. S. K. Watson. – Cambridge: University Press. – 2007. – 352 p.

10. Whittingham, C. Mnemonics for War: Trench Art and the Reconciliation of Public and Private Memory [Text] / C. Whittingham // Past Imperfect. – 2008. – № 14. – P. 86–119.

11. Winter, J. M. Remembering War: the Great War between memory and history in the twentieth century [Text] / J. M. Winter. – Yale: University Press, 2003. – 340 p.

12. Winter, J. M. The Great War and the British People [Text] / J. M. Winter. – Macmillan. – 1986. – 376 p.

Bibliograficheskiy spisok

1. Hodnev, A. S. Velikaja vojna 1914–1918 gg. i socio-kul'turnyj hronotop pojavlenija Ligi Nacij [Tekst] // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2014. – № 2. – Tom I (Gumanitarnye nauki). – S. 119–123.

2. Hodnev, A. S. Problemy sozdaniya Ligi Nacij: vzgljad iz Londona [Tekst] // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. Gumanitarnye nauki. – 2012. – № 4. – S. 84–87.

3. Alstein, M. V. The Great War Remembered: Commemoration and Peace in Flanders Fields [Text] / M. V. Alstein. – Brussels: Flemish Peace Institute. – 2011. – 88 p.

4. Connelly, M. The Great War, Memory and Ritual: commemoration in the city and East London, 1916–1939 [Text] / M. Connelly. – NY: Royal Historical Society/Boydell Press, 2002. – 259 p.

5. Coss, D. First World War Memorials, Commemoration and Community in North East England, 1918–1939 [Text] / D. Coss. – Durham University. – 2012. – 835 p.

6. Erll, A. Cultural Memory Studies [Text] // Cultural Memory Studies: an International and Interdisciplinary handbook / edited by A. Erll, A. Nünning. – Berlin: Walter de Gruyter, 2008. – p. 1–19.

7. Mosse, G. Fallen Soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars [Text] / G. Mosse. – Oxford: University Press. – 1991. – 272 p.

8. Todman, D. The Great War: Myth and Memory [Text] / D. Todman. – London: Hambledon, 2005. – 299 p.

9. Watson, J. S. K. Fighting Different Wars: Experience, Memory and the First World War in Britain [Text] / J. S. K. Watson. – Cambridge: University Press. – 2007. – 352 p.

10. Whittingham, C. Mnemonics for War: Trench Art and the Reconciliation of Public and Private Memory [Text] / C. Whittingham // Past Imperfect. – 2008. – № 14. – P. 86–119.

11. Winter, J. M. Remembering War: the Great War between memory and history in the twentieth century [Text] / J. M. Winter. – Yale: University Press, 2003. – 340 p.

12. Winter, J. M. The Great War and the British People [Text] / J. M. Winter. – Macmillan. – 1986. – 376 p.